

ЯЗЫКОВОЕ ПРОВИДЕНИЕ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

Лариса М. Алексеева

Пермский государственный университет, Россия

In the article an attempt is made to interpret linguistic views of a well-known Russian philosopher, mathematician, theologian and linguist, whose ideas were not demanded by the society he lived in. Florenski's most famous linguistic views are presented in his works: "Antinomies of language" (1918), "Magic of the word" (1920), "The structure of the word" (1922), "The Term" (1917-1922), "The names" (1926), "Symbolarium". Florenski regarded a complex nature of the word. He argued the reader into accepting the fact that a narrow view of the word could mislead linguists about the real nature of the word. Florenski also regarded the term, as a special mental technical formula that lied in its basement. Florenski's linguistic theory has made a definite contribution into linguistics of the beginning of the XXth century. It is quite evident that his views have made an impact on modern linguistics as well.

Тема статьи возникла не случайно. В этом году исполняется 70 лет с тех пор, как П.А. Флоренский, «один из сильнейших и самобытных умов нашего века» (Русов 2001: 456), окончил жизнь в Соловецких лагерях. Однако в России только в 80-е гг., спустя полвека после смерти П.А. Флоренского, вновь стали публиковаться его работы. В лингвистике данный период известен исследованиями по семантике, синтаксизму словообразования, работами по теории текста. На этом фоне наиболее очевидным оказалось лингвистическое провидение П.А. Флоренского. Его работы по лингвистике стали созвучны теориям конца XX в., посвященным разнообразию и гармоническому единству языка. В статье мне хотелось бы рассмотреть основные вопросы теории языка, к которым неоднократно обращался в своих трудах П.А. Флоренский.

Однако начать следует с общей оценки, данной Флоренскому современным миром. Его назвали русским Леонардо да Винчи. Действительно, в образе П.А. Флоренского присутствует сходство с великим мастером эпохи Возрождения. Он был энциклопедистом, естествоиспытателем, философом, лингвистом, полиглотом, в совершенстве владевшим латинским, древнегреческим, большинством европейских языков, языками Кавказа, Ирана и Индии, живописцем, музыкантом, богословом.

Творчество П.А. Флоренского приходится на очень сложный для России период, когда «из кризисного переживания распавшейся на осколки классической картины мира люди эпохи Флоренского выходили средствами самособирания «я» на путях амбивалентного синтеза противоположностей» (Исупов 2001: 17). Глубина и широта взглядов П.А. Флоренского позволили соединить воедино различные по природе идеи: символизм, кантианство, метафизику, диалектику, теологию и др. В своих работах П.А. Флоренский пытается свести воедино различные философские традиции. Его творчеству присущи «интегративные символические композиции целостного миропонимания» (там же).

Философское творчество П.А. Флоренского получило достаточное освещение, в то время как его лингвистические работы остаются малоизвестными. Вклад идей П.А. Флоренского в развитие философских теорий был оценен Н.О. Лосским, который считал, что консубстанциональная теория, созданная великим мыслителем, развивает учения Платона, Аристотеля, Плотина, Фихте, Шеллинга, Гегеля об онтологическом единстве мира (Лосский 2001: 415).

Среди исследователей языка, обративших внимание на лингвистическое творчество П.А. Флоренского, можно отметить Ю.М. Лотмана, который изучал архивы П.А. Флоренского, предоставленные его сыном. Ю.М. Лотман планировал посвятить П.А. Флоренскому один из томов «Трудов по знаковым системам», считая его предшественником семиотики.

Основной проблемой в лингвистике для П.А. Флоренского была противоречивая природа языка. Решению данной проблемы он посвятил труды «Антиномия языка» (1918), «Термин» (1917-1922), «Магичность слова» (1920), «Строение слова» (1922),

«Имена» (1926). Эти работы при жизни П.А. Флоренского не были опубликованы, поэтому их критики не существует. Обзору этих трудов посвящена настоящая статья.

Понятие языка в исследованиях П.А. Флоренского оказывается более широким и философским в сравнении с лингвистическими трудами начала XX в. Исходным в трактовке языка для П.А. Флоренского было свойство антиномичности языка. Он полагал, что языку присущи два взаимоисключающих уклона, два противоположных стремления. «...они своим противоречием язык осуществляют; вне них – нет и языка» (Флоренский 1998: 191). Антиномичность языка является для П.А. Флоренского заведомо данным и очевидным свойством.

Двойственность языка П.А. Флоренский видел в том, что, с одной стороны, в языке уже выражено то, что требовалось выразить. В этом смысле языком следует пользоваться как готовой сущностью. С другой же стороны, слово мыслится как наиболее индивидуальное, «не имеющее в себе ничего готового, ничего заранее намеченного» (Флоренский 1998: 195). Две противоположные стороны языка П.А. Флоренский назвал монументальностью и импрессионизмом (Флоренский 1998: 194). В задачу исследования языка, по П.А. Флоренскому, входило изучение двойственности языка.

Исследовательские задачи П.А. Флоренского были направлены на то, чтобы рассмотреть объективно свойственные языку антиномии. Он полагал, что когда исследователи пренебрегают или начисто сглаживают антиномичность языка, тем самым они уничтожают и сам язык. П.А. Флоренский рассматривал данную проблему, хотя в то время в отечественной лингвистике не существовало серьезной научной основы для ее решения. Оценка идей П.А. Флоренского произошла не сразу. Только с течением времени обнаруживается смысл его лингвистических гипотез.

В обосновании своих предположений о противоречивом характере языка П.А. Флоренский использовал идеи острого и проникновенного мыслителя Вильгельма фон Гумбольдта, которому была посвящена значительная часть его трудов по лингвистике. Что было главным для П.А. Флоренского в учении В. фон Гумбольдта? Прежде всего то, что в языке все живет, все течет, все движется. Вслед за В. фон Гумбольдтом он развивает мысль о том, что «нет индивидуального языка, который не был бы вселенским в основе своей; нет вселенского языка, который бы не был в своем явлении – индивидуальным» (Флоренский 1998: 157). Следуя данной идее, П.А. Флоренский не принимает идею искусственного языка эсперанто. Л. Заменгоф, изобретатель языка, критикуется П.А. Флоренским, поскольку тот «выкрикивает по-своему всемирную историю» (там же). По П.А. Флоренскому, любой язык имеет исторические корни, которыми нельзя пренебрегать, при этом этимология играла роль научного аргумента. Получил известность проведенный им сравнительный анализ этимологии таких слов, как *истина*, *вера*, *сердце* на материале различных языков.

Как в философских трудах, так и в лингвистических исследованиях П.А. Флоренского обращают на себя внимание два вида категорий – категории «живого» и «мертвого» (Борухов 2003: 504-505). Категория «живого» имеет позитивный смысл для трактовки языка. Напротив, «мертвое» связано с отрицательной оценкой явлений языка.

П.А. Флоренский высказывал идеи о вторичных языковых системах. Известно его суждение о том, что в поэтической системе твердое начало языка перекристаллизуется соответственно духу нового лирика (Флоренский 1998: 163). Он рассматривал жизнь языка, для полноты которой «надо освободить индивидуальную языковую энергию – и не бояться множества неудачных, уродливых и нежизненных порождений» (Флоренский 1998: 164).

На основе идеи антиномичности языка П.А. Флоренский создал учение о слове не менее значительное, чем теории слова середины XX в. Правда, оно до сих пор остается невостребованным, хотя многие из его положений глубоки по своей сути. Свою идею он формулирует следующим образом: слово одновременно твердое и гибкое, универсальное и индивидуальное, исторически определенное и мгновенно возникающее. В своих рассуждениях о языке П.А. Флоренский цитирует В.Г. Ваккенродера, который считал, что творения великих мастеров не для того сделаны, чтобы их видел глаз, но чтобы ими жили и дышали. Свойство великих произведений П.А. Флоренский приписывает слову, полагая, что произведения искусства – это те же слова, но запечатленные в твердом веществе, «картина и статуя принципиально суть слова» (Флоренский 1998: 197).

Теория слова П.А. Флоренского во многом предвосхитила концепцию слова Л.В. Щербы (Щерба 1974), основанную на противопоставлении методики изучения слова в мертвых грамматиках и живом материале, т.е. речи. П.А. Флоренский обращал

внимание на то, что «всякое отдельное слово не есть что-либо существующее самостоятельно, но лишь узел тех процессов, которые составляют речь, и в своем значении определяется лишь в живой речи, а не в уединении словаря» (Флоренский 1998: 201). В качестве примеров он рассматривал иронические и саркастические слова, которые могут изменять значение в тексте на прямо противоположные их словарному значению. На этом основании П.А. Флоренский делает вывод о том, что «слово предельно свободно, имея силу означать весьма разное, включительно до своей прямой противоположности» (Флоренский 1998: 201).

Мысль П.А. Флоренского о том, что «слово есть точка приложения деятельности мысли, создающей предложение и даже целую речь, получая впечатления ото всей речи, но в разной, так сказать, степени плотности», а само «предложение определяется словами, из которых оно строится, и вне слов не существует» (Флоренский 1998: 201), развивается в уровневой теории языка Э. Бенвениста (Бенвенист 2002).

П.А. Флоренский изучал синтаксизм словообразования, переживший настоящий бум в 70-х гг. XX в. Он исследовал слово, представляющее, по его мнению, «свившееся в комок предложение и даже целую речь, а предложение – как распутившееся свободное слово» (Флоренский 1998: 201). Аргументы в пользу выдвинутого предположения Флоренский находит в логике, где одни и те же буквы в формулах означают и понятия, и предложения одновременно, поскольку алгебра логики допускает две различные интерпретации в зависимости от того, выражают ли буквы понятия или предложения. При этом логическое значение не зависит от интерпретаций. Буквенную интерпретацию формулы П.А. Флоренский назвал *термином*.

П.А. Флоренский критикует исследователей слова за их убеждения в том, что слово обладает только лишь рациональным смыслом. По его мнению, языковеды мало задумываются над тем, каким образом смысл может передаваться от одного сознания к другому, а также о внутренних процессах, способствующих раскрытию смысла. Его аргумент – «антиномический склад слова: извне мною полученное, взятое мною из сокровищницы народного языка, чужое творчество, в моем пользовании оно заново творится мною, снова и снова становясь *in statu nascendi*, всякий раз свежее и обновленное» (Флоренский 1998: 254).

В теории слова, созданной П.А. Флоренским, содержится много идей, предвосхитивших современные взгляды на природу слова. Так, еще в начале XX в. П.А. Флоренский выдвинул идею о синергетичности слова. Под синергетичностью он понимал способность слова к концентрации, к наслоению семемы, происходящую в логически связанном порядке. «Сила действия слова, со стороны его семемы, в спиральности его строения, почему слово втягивает, всасывает в себя и затем себе подчиняет. Слово – конденсатор воли, конденсатор внимания, конденсатор всей душевной жизни» (Флоренский 1998: 255).

В синергетическом аспекте П.А. Флоренский определял слово как «высшее проявление жизнедеятельности целого человека, синтез всех его деятельности и реакций, разряд повышавшейся уровнем внутренней жизни, выявленный аффект» (Флоренский 1998: 261). Однако П.А. Флоренский полагал, что энергия не является предметом слова или его содержанием, слово выводит человека за пределы субъективности в мир и сводит человека с реальностью (Флоренский 1998: 273). Таким образом, энергию П.А. Флоренский приписывает акту познания. На его взгляд, образование синергетического акта познания нарастает постепенно. «Две энергии, реальности и познающего, близки друг к другу, могут быть размешаны друг в друге; но эта флюктуирующая смесь еще не образует единства, и необъединенной борьбой своих стихий вызывает во всем нашем организме томительное ожидание равновесия». Этим равновесием, по П.А. Флоренскому, является слово, в котором «уравновешиваются и приходят к единству накопившиеся энергии», т.е. слово «есть уже ни та или другая энергия пороизнь, а двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире» (Флоренский 1998: 284).

Другая область интересов П.А. Флоренского связана с изучением языка науки и терминов. С 1927 г. П.А. Флоренский был редактором «Технической энциклопедии» (М., 1927-1934. Т. 1-23) и автором 127 статей, опубликованных в ней. 4 мая 1932 г. П.А. Флоренский был включен в Комиссию по стандартизации научно-технических обозначений, терминов и символов при Комитете по стандартизации.

Учение о термине П.А. Флоренского создано на основе исследований В. Узвеля, Дж. Милля, А. Пуанкаре, которые полагали, что термин экономизирует мысль. П.А. Флоренский также рассматривает термины в качестве мыслительных единиц, которые носят характер «свернутых текстов» отдельной науки или культуры. Термин,

по П.А. Флоренскому, принадлежит научной речи, которая является орудием, выкованным из повседневного языка, с его помощью человек овладевает предметом познания (Флоренский 1998: 221).

То, что сейчас в лингвистике называется языком для специальных целей (ЯСЦ), он называл техническими выражениями. Они обладали разными свойствами, в зависимости от которых различались низшая область выражений (номенклатура) и высшая область выражений (собственно термины). Номенклатурой, вслед за В. Уэвеллем, П.А. Флоренский называл совокупность названий видов, которая «опирается на годы внимательного взглядывания, на познание тесно-сплоченных и устойчивых переплетений многих признаков и на понимание, как именно соотносятся эти комплексы к разным другим того же порядка» (Флоренский 1998: 203). Номенклатура, по П.А. Флоренскому, «формула изучаемой вещи» (Флоренский 1998: 204). Номенклатура химии, минералогии, ботаники, зоологии и др. есть сгущенный опыт длительной истории человеческой мысли, уплотненное созерцание природы. К высшей области технических названий П.А. Флоренский причислял термины, являющиеся развернутыми синтетическими словами. Термин, по мысли П.А. Флоренского, «должен быть соотносенным с некоторым синтетическим предложением, его заменяющим и в него свитым» (Флоренский 1998: 208).

Большую ценность представляет проведенный П.А. Флоренским этимологический и семасиологический анализ слова *термин*, давший представление о длительной истории данного слова, идущей от значения «нерушимого права на земельную собственность» к «священному межевому знаку, хранителю границы» и, наконец, к значению термина как границы, которой «мышление само-определяется, а потому само-осознается» (Флоренский 1998: 218). Любая история термина есть «ряд творческих усилий мысли, наслояющей себе вокруг основного ядра все новые препятствия, чтобы, сконцентрировав себя, приобрести новую силу и новую свободу» (Флоренский 1998: 219). В термине сконцентрирована неподвижность и устойчивость и одновременно биение мысли и бесконечность.

Большая заслуга П.А. Флоренского в области развития теории термина заключается в формировании понятия его системности.

Во многих исследованиях П.А. Флоренский решает проблему идеографического выражения понятий. Идеографический знак П.А. Флоренский понимает как «письменный плоский, или пространственный знак, служащий для выражения идеи» (Флоренский 1994: 567). В письменности на начальной стадии господствуют идеографические системы, в которых каждый знак выражает определенное понятие, конкретное или отвлеченное. Их анализ позволяет заметить тождество или подобие большинства данных систем, отделенных исторически друг от друга. П.А. Флоренский предполагал наличие единой доисторической пракультуры, или тождественность психологических законов человечества, по которым для выражения одной и той же мысли создаются аналогичные образы во все времена и у всех народов. Принципы идеографичности письменности не исчезают по мере развития культуры народа.

П.А. Флоренский полагал, что на протяжении истории европейской культуры неоднократно возникали попытки нового введения идеографии в круг культурного творчества, что лишний раз подчеркивает, что в глубоких слоях сознания (или подсознания) залегают принципы символизирования (Флоренский 1994: 567). Этими попытками являются: христианский символизм I-IV вв. н.э., средневековый период идеографической системы письма в научных дисциплинах (алхимии, астрологии, натурфилософии), геральдические, сфрагистические и нумизматические знаки.

Несмотря на значительный опыт в области изучения символизма, все определения символизма, по мнению П.А. Флоренского, представляют собой схоластические домыслы, витающие в метафорическом пространстве (Флоренский 1994: 568). Он критикует символистов за отсутствие сравнительно-исторического метода и строго научной методологии. По его мнению, сравнительно-исторический метод дает возможность выявить точное значение графического образа на всех исторических этапах, установить изменения, которые данный образ претерпел в своей эволюции.

П.А. Флоренский намеревался создать особый тип словаря, “Symbolarium”, который содержал бы зрительные образы, употребляемые в качестве понятий. Данный труд был начат, но, к сожалению, не завершен. В словаре сопоставляются и анализируются как графические знаки древних идеографических систем письменности, так и современное графическое творчество. П.А. Флоренский полагал, что графический образ, подобно слову, может служить для выражения определенных идей, но сами эти идеи и их носители – графические образы – лежат вне индивидуальных интерпретаций (Флоренский 1994: 570).

Он рассматривал такие символические образы, как *точка, линия, крест, конус, пирамида, угол, куб, треугольник, круг, диск, сфера* и др. Данные образы представляют основу большинства сложных зрительных образов, или графических знаков. Кроме того, они представляют собой антиномии. Так, *точка* – это начало всего, она есть и не есть (Флоренский 1994: 574). Это свойство точки делает ее символом и устанавливает за ней ряд символических потенций.

П.А. Флоренский рассматривает дискуссии по проблеме соотношения точки и пространства со времен глубочайшей древности до наших дней (Пифагорейская школа, Элейская школа, учение Б. Паскаля, Гербертовская школа, учение Г. Кантора, Г.В. Лейбница, И. Ньютона и др.). Суть дискуссий состоит в том, что пространству из точек противопоставляется точка в пространстве. Само понятие точки тоже оказывается противоречивым. В онтологии точка означает начало, единицу, первопричину; в космологии точки есть солнечные пылинки или солнечные атомы, из которых создается мир. Пневмотологическое понятие точки соотносится с точкой-звездой, точкой-искрой; биологическая точка есть символ сведения того или другого физического процесса в некоторый жизненный центр. Точки бывают белые (точки света, которые рождают реальность, извлекают ее из небытия; прямая перспектива) и черные (письмо с черной точкой – вестник о смертном приговоре; черный камешек, бросаемый в урну судьями Ареопага; черный баллотировочный шар и т.д.). Этически и ортобиотически точка знаменует целостность, неповрежденность физического и духовного существа, т.е. его целомудренность (звездочка на челе Богородицы, точка золотого сечения, точка живописной композиции, средоточие розы в портале готического собора, шарик гипнотизера и др.). Точки ассоциируются с фонетическими акцентами во французском, греческом, отчасти русском, языках, логическими акцентами и более сложными функциями – паузы между словами, пунктуация, эмоциональный акцент и др. Все это приводит П.А. Флоренского к мысли о том, что случаи символопользования и их классификация не могут быть признаны окончательными. Они условны и приблизительны. Система символов – «гибкая и растяжимая сеть, умеющая уловить современное сознание» (Флоренский 1994: 590).

Итак, в данной статье сделана попытка анализа лингвистических взглядов П.А. Флоренского в аспекте их преемственности. Знакомство с работами выдающегося мыслителя начала XX в. позволяет увидеть привлекательность и фундаментальное значение его трактовки языка для современной лингвистики. Работам Флоренского свойственна ясность изложения сложных проблем, логичность, глубокое знание истории и философии языка, диалектический взгляд на язык и его природу. Диалектика была не только отличительной чертой его творчества, но и его характера. Так, К.Г. Исупов считал, что «во Флоренском как-то разом – синхронно и различимо-дробно – наблюдались те качества, которые другим доставались порознь» (Исупов 2001: 12).

П.А. Флоренский, оценивая свои идеи, считал, что он разошелся с обществом лет на 50, тогда как для успеха допустимо забегать вперед не более чем на 2-3 года. История показала справедливость его предположений.

Библиографический список

- Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М., 2002.
- Борухов Б.Л. Мышление живое и мертвое: «рассудок» и «разум» в философии П. Флоренского (по книге «Столп и утверждение истины») / Б.Л. Борухов // Логический анализ языка. М., 2003. С. 502-508.
- Исупов К.Г. Павел Флоренский: наследие и наследники / К.Г. Исупов // Pro et Contra. СПб., 2001. С. 9-30.
- Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский // Pro et Contra. СПб., 2001. С. 400-418.
- Русов Н.Н. Флоренский против Коперника / Н.Н. Русов // Pro et Contra. СПб., 2001. С. 456-458.
- Фарыно Е. «Антиномии языка» Флоренского и поэтическая парадигма «символизм/авангард» / Е. Фарыно // Pro et Contra. СПб., 2001. С. 674-687.
- Флоренский П.А. Symbolarium (Словарь символов). Выпуск 1. Точка / П.А. Флоренский // Соч. в 4-х т.: т. 2. М., 1994.
- Флоренский П.А. Имена / П.А. Флоренский. Москва-Харьков, 1998.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. Л., 1974.